

«Вот, суки! – думал Гордеев, разглядывая почерневшую от гангрены ногу, напечатанную под дурацким предупреждением на прежде бело-черно-желтой упаковке его любимой “Коибы ”. – Подать бы на вас в суд...» Открыв пачку, он не стал выбрасывать отрывной лепесток фольгированной упаковки, сложил его вдвое, провел по месту сгиба ногтями, расправил, аккуратно разорвал на две половинки, и сунул их под оберточную пленку, спереди и сзади так, чтобы они закрывали уродливую глупость отечественных мракоборцев.

«Аруба» оставалась чуть ли не единственным подпольным заведением, где все еще можно было выпить чашку хорошего кофе с хорошей кубинской сигаретой или хороший виски с хорошей сигарой – это уж по желанию и достатку. Правда, курить здесь можно было только купленное в баре. Гордеев курил Cohiba. Они напоминали ему любимые в студенчестве «Лигерос», прозванные за крепость «смертью под парусом», французский «Житан» без фильтра, и – добываемый в буфете кубинского посольства за тогда еще советские копейки, изысканно-ядерный «Партагас». В них была заметная доля крепкого сигарного табака, очищающего процесс от пошлости ширпотреба. Каждая затяжка напрягала горло и дурманила голову тем самым неповторимым ароматом. Именно здесь хотелось цитировать Хемингуэя, называться афисионадо, разбираться в абсенте и прочих благородных ужасах любителей здорового образа жизни, одержимых и потому заделавшихся законодателями и теперь истребляющих все, что не радуется зелёному салату и свежавыжатому сельдереею.

До встречи оставалось полчаса. Гордеев пришел в «Арубубу» заранее, чтобы посидеть-подумать, хотя ещё утром решил: надо соглашаться. Перспективы, конечно, туманные, но они хотя бы есть. А здесь – «Раша из Раша» – новый шеф упражняется в слабоумии, лезет во все дырки, хотя ни черта не понимает ни в проектировании, ни в производстве, а все их яйцеголовое КБ ему кивает, мол, мы-то знаем вас – комитетчиков, рано или поздно каждый пакует чемодан и переезжает в место потеплее. Назвать новое изделие «Пустырником» мог только клинический идиот... Обидно... «Обидно, – думал Гордеев, – что не уехал, когда звали. А сейчас какое там Токио, в Палангу не выпускают: “Сиди, Гена, рисуй, работай, Гена...”» Была шальная мысль все бросить и пропасть, уехать. Но куда тут уедешь? Все, что не Москва и не Питер – глушь. Был бы помоложе – лет на двадцать – записался бы в торговый флот матросом и до ближайшего заграничного порта... Гордеев усмехнулся: «Кому ты там нужен?» И вспомнил Марка: «Хотя... Может, и нужен». И посмотрел на часы.

* * *

Марк. Такие тысячами, сотнями тысяч идут по улицам городов, едут, стоят в пробках, переминаются в очередях у касс супермаркетов, листают «Фейсбук» в вагонах метро, те, которые – типичные – футболка, джинсы, кроссовки: увидел, отвернулся, забыл. Единственная деталь – очки. Очкариков мало. Снимет и станет невидимым. Он появился в «Арубубе» на прошлой неделе. С порога направился к барной стойке, окликнул бармена, заказал пятьдесят текилы, расплатился, взял стопку и повернулся к залу. Перехватив взгляд Гордеева, он приподнял стаканчик, выпил и тут же пошел к выходу. Это было странно, потому Гордеев его и запомнил.

На следующий день очкарик появился снова. На этот раз у барной стойки с большой кружкой пива, выглядывал свободное место в зале. Заметив Гордеева, он приветливо улыбнулся. В ответ Гордеев жестом пригласил его к себе за столик.

– Марк! – протянул руку очкарик.

– Геннадий.

– Что вы сегодня курите? – Марк уселся напротив Гордеева и жестом подозвал официанта.

– Я как всегда, – Гордеев кивнул на лежащую на столе открытую пачку «Каибы».

– А я люблю экспериментировать, – Марк хищно улыбнулся, взял из рук подошедшего официанта сигарное меню, открыл и ткнул в него пальцем. – Вот это. «Боливар». Пачку. И... – в ход пошла винная карта, – «Олтмор». Двенадцать лет. Сразу бутылку.

– Извините, «Олтмора» нет, – официант поджал губы. Стало казаться, что ему действительно жаль. – Могу посоветовать «Балблэр» девяносто девятого года.

– Вот этот? – Марк повернул к официанту винную карту.

– Да, – кивнул официант. – Очень хороший виски.

– Вы не против «Балблэра» девяносто девятого года? – спросил Марк Гордеева.

Гордеев слегка смутился. Он не привык знакомиться вот так – наотмашь, тем более сходу пить, но раз уж сам позвал, то почему бы и нет. Чисто символически.

– Да. Вполне.

– Отлично, – Марк повернулся к официанту. – Неси «Балблэр». И еще... «Камаро» и что-нибудь на закуску. Мяса.

– Могу предложить куриные грудки, запеченные под пармезаном, – официант достал крохотный блокнотик.

– Хорошо, – согласился Марк. – Два.

– Две порции?

– А я что сказал? Два. И «Камаро».

– Я записал. Могу забрать меню?

Официант ушел. Марк вынул из внутреннего кармана пиджака айфон, достал из штанов зажигалку и положил их аккуратно около салфетницы.

– Я пью виски по-ирландски. Не понимаю, как можно разбавлять его колой.

– Да, – согласился Гордеев. – Лучше закусывать, чем разбавлять... Часто здесь бываете?

– Третий, по-моему, раз. Приятель привел. Хорошее секретное место, – Марк улыбнулся.

– Те, кому надо, о нем знают, – сказал Гордеев. – Это как бы достопримечательность. Сюда приходят интуристы. Вот и не трогают. Я знаю хозяина. Он такой стопроцентный кубинец. Остался в Москве после универа.

– Все запретное манит, как говорят. Это хороший маркетинговый ход. Смотрите, сколько народа.

– Как обычно...

– А вы всегда на этом месте?

– Я его бронирую.

– О, так можно? – Марк изобразил удивление.

– Как в любых ресторанах.

– Отлично. Надо записать телефон.

– Я дам.

– Давайте, – Марк взял в руки айфон.

Гордеев нашел в телефоне номер «Арубь»:

– Готовы записать?

– Да.

– Девятьсот пять...

– В начале плюс семь?

– Да, – Гордеев повернул телефон экраном к Марку.

Марк записал номер.

– Спасибо. Буду знать. В августе приеду в Москву с женой. Хочу показать ей это место.

– Я так и понял, что вы не местный.

– Это так заметно? Не тяну гласные?

– Типа того.

Марк усмехнулся:

– Я родился в Иерусалиме. Отец при Брежневем эмигрировал в Израиль, потом в Штаты.

– Никогда бы не подумал. У вас отличный русский.

– Это все мама.

– Значит, вы интурист?

– Не совсем. Я два года уже работаю в России, в Петербурге. Я и моя жена. Она русская.

– Питер шикарный город.

– Только очень холодный. Особенно зимой. Сырость... А вы отсюда?

– Да. Родился в Замоскворечье. Вы позволите? – Гордеев достал из пачки сигарету.

– Конечно. А можно мне ваших попробовать?

Гардеев протянул пачку.

– А вот и наш «Балблэр», – Марк кивнул в сторону приближающегося официанта, – Мне Москва больше нравится. Но у боссов свои планы.

– Чем занимаетесь?

– Сырье. Лес, нефть, – Марк закурил. – Всего понемногу. Вывозим ваше богатство. А вы?

– Я инженер.

– Хороший инженер?

– Ну, не знаю. Вроде не жаловались, – чиркнул зажигалкой Гардеев.

– Технарь, значит... Да-а, хороший табак, – Марк положил сигарету в пепельницу, взял в руки бутылку. – Вы уж простите мою бесцеремонность. Поговорить не с кем, а умного человека, как говорит моя мама, видно за версту. Давайте за знакомство.

Марк налил виски в бокалы. Подняли, чокнулись.

– Лехаим, – Марк пригубил. – Ммм... Не обманул-таки халдей. А?

– Да, неплохо, – Гордеев отпил и поставил бокал на стол.

Бархатное тепло приятно обожгло горло, вкус виски смешался со вкусом табака.

– Не думаете переехать насовсем? – спросил Гордеев.

– А вы? – улыбнулся Марк, приподнял голову и выпустил пару колец дыма. – Где родился, там и пригодился.

– Этому вас тоже мама научила? – Гордеев затянулся сигаретой.

– Это я сам, – хохотнул Марк. – Слушайте, я тут у вас чуть не сел.

Серьезно! Прилетаю в Питер, мне на паспортном контроле говорят: «Это не вы». Молодая девушка смотрит в мой паспорт и говорит: «Это не ваша фотография». Представляете? Вызвала офицера. Я у окна стою как идиот, они двое напротив. Сличают с оригиналом. Я на том фото с усами. Я палец к губе приложил, «А так?» – говорю... Ну что вы смеетесь? Это страшно. Отправят в Сибирь снег убирать, и родная мама не узнает где ее литл Марки. И знаете что? Знаете, чем кончилось? Я им показал мой аккаунт в «Фейсбуке». Мои фото. Маму, папу, дом в Огайо. И они меня пропустили. Паспорту не поверили, а «Фейсбуку» поверили. Вы представляете?

– А ваши что, лучше? – усмехнулся Гордеев. – Что ни заявление МИДа, то – ссылки на социальные сети.

– Эй нет, – Марк поднял палец. – Это совсем другое дело. У нас Псаки...

Гордеев расхохотался.

– Да ну ее к черту, политику, – Марк поднял бокал. – Давайте за дружбу.

* * *

– Готовы заказать?

Гордеев обернулся. Держа кожаную папку на манер подноса, у стола стоял улыбающийся Марк.

– Are you ready? – прорывал он густым басом и обнял поднявшегося к нему навстречу Гордеева. – Как поживает мой русский брат? С чего начнем? Виски, текила?

Гордеев натянуто улыбнулся. Финал прошлой встречи предполагал, как ему казалось, совершенно иное продолжение. Тогда, у кромки бассейна Петровской сауны, похожей своими мозаиками на перепрофилированный дворец пионеров, разглядывая покосившийся плафон сквозь бокал с коньяком, Марк сказал:

– Гена, тебе нужны деньги. Деньги делают человека, Гена.

– У меня есть деньги, Марик, – промычал Гордеев.

– Много денег, Гена. Много...

– Помню, один ген... – Гордеев запнулся и постучал себя пальцем по лбу, – гондон сказал...

– Что сказал один гондон? – спросил Марк.

– Богатство – это не много денег, а скромные потребности, – выдал Гордеев, и они оба расхохотались.

– Хорошая шутка, – сказал Марк. – Это твой шеф так шутит?

– Не смешно на самом деле... – глупо улыбаясь Гордеев поднялся с шезлонга, подошел к краю бассейна и подпрыгнув шумно рухнул в воду.

– Не утони! – весело крикнул ему Марк, – Ты нам нужен живой!

Усаживая Гордеева в такси, Марк похлопал его по плечу:

– Ты достоин хорошей жизни, Гена. Ты хороший человек... Подумай об этом.

Проснувшись наутро в своей холостяцкой двушке, Гордеев подумал о Марке, стал вспоминать, о чем они говорили сначала в «Арубe», потом – уже изрядно поднабравшись – по дороге в сауну, и чем больше подробностей всплывало в его похмельной голове, тем тревожнее ему становилось. Получалось, что он выболтал где и кем работает и над чем конкретно, и все это как-то легко под шуточки Марка, вискарь и приплясывания молоденьких проституток, похожих на пионерок с мозаичного панно над бассейном. «Вот так оно и происходит», – думал Гордеев – и когда стоял в душе, и когда чистил зубы, и когда ехал в метро на работу. Ему вспомнился горбатый профиль Толкачева, с которым работал отец – они даже были знакомы, – а потом оказалось, что Толкачев – цээршник, предатель, и его расстреляли, и даже заступничество Рейгана не помогло. Марк позвонил вечером. Позвал назавтра в «Арубy» – поужинать.

– Что-то ты сегодня невеселый какой-то. Что-то случилось? – спросил Марк усаживаясь напротив.

– Да нет, все нормально, – Гордеев вытащил из пачки сигарету.

– Ну смотри, можем все отменить, если нет настроения.

– Как отменить? – смутился Гордеев. – Так просто отменить?

Страх, колотивший его последние сорок часов, вытеснила неожиданная обида, как будто он – Геннадий Гордеев – выиграл в лотерею крупную сумму денег, достаточную, чтобы уехать из этого гадюшника навсегда, и вдруг обнаружилось, что получение выигрыша невозможно из-за какой-то совершенно глупой нелепой формальности, буквы в фамилии: «Видите, здесь написано Гардеев, а вы по паспорту Гордеев, через о...» И – прощай, Токио, древние храмы и музей Фукагава, покорные японки и смелые камикадзе, всё, чем он бредил, начитавшись в юности Акутагавы и Кобо Абэ.

– Марк, давай начистоту, – Гордеев пошел ва-банк. – Ты же неслучайно ко мне подошел. Давай уже, говори. Чего тянуть?

Марк молча вытащил из гордеевской пачки сигарету, чиркнул зажигалкой и закурил.

– Ну что ж... Значит, я не ошибся... – Марк говорил тихо и уверенно, голос его звучал теперь по-другому. – Ваша контора ведь в ведомстве ФСБ?

– Ну допустим, но я не комитетчик, – ответил Гордеев.

– Это и хорошо. Я хочу выйти через тебя на нужных людей... У вас в ГРУ крот. Очень большой чин. Поэтому напрямую нельзя. Мне нужна твоя помощь... Я хочу работать на Россию.

– Как на Россию? – растерялся Гордеев.

– Так, на Россию, – спокойно ответил Марк. – Это ведь и моя родина, брат...